

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

1-ТОМ АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Бог. Часть 3

Цель – рассмотрение теологических учений античной философии, в частности, эпикурейского и стоического богословия, а также теологии Плотина.

План

1. Боги Эпикура и стоиков.
2. О гадании и астрологии.
3. Троица Плотина.

Ключевые слова: богословие, теизм, атеизм, монотеизм, политеизм, полиморфный пантеизм, гадание, предсказания, суеверие, единое, интеллект, душа.

Данная лекция посвящена теологическим вопросам в философии эпикурейцев, стоиков, а также в философии Плотина, рассмотренным Энтони Кенни в девятой главе его книги.

Эпикур принял существование богов из-за консенсуса человеческой расы: основа веры крепка, и она настолько широко распространилась, будто имплантирована в природу, и поэтому она истинна. Суть консенсуса в том, что боги блаженны и бессмертны, и поэтому свободны от тяжелого труда, гнева или благосклонности. Этого знания достаточно, чтобы дать возможность человеку поклоняться с благочестием и без суеверия. Однако, любопытство человека заставляет идти его дальше и узнать, как выглядят боги, о чем они думают, и как они живут.

По концепции Эпикура, природа богов представляется следующим образом. Люди видят сны, и иногда в их видениях появляются великие, красивые и могущественные существа в человеческом облике. Затем они идеализируются, наделяются ощущениями и задумываются как бессмертные, блаженные и не требующие усилий. Но даже идеализированные, боги сохраняют человеческую форму, потому что это самая красивая из всех одушевленных форм, и единственная, в которой возможен разум. Те боги, однако, не существа из плоти и крови, как мы; они сделаны из слабой квази-плоти и квази-крови. Они не видны и не ощутимы, но воспринимаются только разумом; и они не живут ни в одной части нашего мира. Тем не менее, есть ровно столько бессмертных, сколько смертных.

Нелегко гармонизировать все элементы богословия Эпикура. Кенни приводит в пример исследование, сделавшее эту попытку, рассматривая эпикурейских богов как мыслительные конструкции, продукт потоков изображений, которые путем схождения в наших разумах, становятся нашими богами. В результате, появилась идеализированная концепция, которая обеспечивает этическими парадигмами для подражания; но нигде во Вселенной нет биологически бессмертных существ. В этой интерпретации Эпикур стал древней предтечей мыслителей девятнадцатого века, таких как Джордж Элиот и Мэтью Арнольд, чей исповедуемый теизм оказывается, по сути, моральной теорией.

Несомненно, однако, что в классические времена были учения, которые принимали эпикурейскую систему как равносильную атеизму, например, стоики. Однако само стоическое благочестие, как и эпикурейское, находилось на некотором расстоянии от популярной политеистической религии. С точки зрения монотеистических религий и эпикурейцы, и стоики ошибаются в богословии: эпикурейцы, делая Бога слишком далеким от реального мира, а стоики, делая Бога слишком близким к нему. Управляющая мысль стоического богословия идентифицирует Божье провидение с рациональностью естественного процесса. Это было предвосхищением «Deus sive Natura» (отождествления Бога и природы) Спинозы.

Как и эпикурейцы, стоики начали с обращения к консенсусу человеческой расы, что боги существуют. Обе школы также согласны в том, что происхождение веры в богов связано со страхом перед ужасами жестокой природы. С этого момента эти две теологии расходятся. Стоики, в отличие от эпикурейцев, представляют доказательства существования Бога. Так, Клеанф говорил, что концепция Бога в умах людей была преимуществом, которое мы получили от умеренного климата и плодородия земли. Хрисипп, поддерживая эту точку зрения, утверждает, что плоды земли существуют ради животных, а животные ради людей.

Зенон, основатель школы стоиков, был весьма креативен в производстве аргументов в пользу существования Бога или, по крайней мере, в пользу рациональности мира. «Рациональное превосходит нерациональное. Но ничто не превосходит сам мир. Поэтому мир является рациональным». «Ничто неодушевленное не может породить одушевленное. Но мир порождает одушевленные вещи, поэтому мир одушевлен. Если флейта, сделана из оливкового дерева, играет мелодию, – говорит Зенон, – вам придется приписать знание музыки дереву: почему бы тогда не приписать мудрость Вселенной, которая производит существа, обладающие мудростью?».

Один из самых оригинальных, и не менее убедительных аргументов Зенона следующий: «Вы можете разумно почитать богов. Но Вы не можете разумно почитать то, чего не существует. Поэтому боги существуют».

Проблема существования зла представляла особый интерес для стоиков. С одной стороны, учение о божественном промысле сыграло важную роль в их системе, и провидение может показаться несовместимым с существованием зла. Но, с другой стороны, поскольку для стоиков порок является единственным реальным злом, проблема кажется более ограниченной по охвату для них, чем для теистов других школ. Но даже будучи ограниченной, она требует своего решения. Хрисипп находит решение, апеллируя к принципу, что противоположности могут существовать только в сосуществовании друг с другом: справедливость с несправедливостью, мужество с трусостью, умеренность с несдержанностью и мудростью с глупостью. Принцип (адаптированный из аргументов Платона за бессмертие в «Федоне») кажется ошибочным: несомненно, понятие индивидуальной добродетели может быть неотделимо от понятия соответствующего порока, но это не показывает, что обе концепции должны быть доказаны.

Хрисипп утверждает, что, какие бы боли и неудобства мы ни испытывали, мир существует ради человека. Боги создали нас ради нас самих, и друг ради друга, а животных ради людей. Лошади помогают нам на войне, а собаки на охоте, в то время как медведи и львы дают нам возможность быть храбрыми. Другие животные нужны, чтобы накормить нас. Некоторые существа существуют просто так, чтобы мы могли восхищаться их красотой: павлин, например, был создан ради своего хвоста.

Основная концепция стоического Бога очень сильно отличается от монотеистических религий. Бог, по мнению стоиков, материален, сам является частью космоса, в то же время, управляя им изнутри «конструирующим огнем». Жизнь Бога идентична истории Вселенной, поскольку он развивает и совершенствует ее.

Как показано Цицероном, религия Хрисиппа не является ни монотеизмом, ни политеизмом: это полиморфный пантеизм.

Одной из доктрин стоиков, которую Цицерон решительно оспаривал, была их вера в гадания. Его диалог «О гадании» принимает форму разговора между ним и его братом, Квинтом Цицероном, защищающим гадание, и утверждающим, что рассвет или закат религии связаны с верой в гадание, в то время, как Марк Цицерон отрицает их эквивалентность и осуждает гадание как суеверие. Квинт основывается на Хрисиппе, который написал две книги по гаданию и собрал списки истинных оракулов и снов. Марк обязан многими своими аргументами скептику Карнеаду.

Гадание – попытка предсказать будущие события, практикуется в Риме многими способами: изучением звезд, наблюдением за полетом птиц, осмотром внутренностей принесенных в жертву животных, толкованием сновидений, и консультацией оракулов. Не все эти способы гадания модны в современном мире, но рассмотрение астрологии Цицероном все еще, к сожалению, не исследовано.

Квинт приводит забавные случаи из замечательных предсказаний авгуров и прорицателей, и утверждает, что их действия не отличаются от наших, когда мы предсказываем погоду по поведению птиц и лягушек, или по обилию ягод на кустах. В обоих случаях мы не знаем причину, как взаимодействуют знаки и их обозначения. Не все предсказания сбываются: но и врачи тоже ошибаются, время от времени. Мы не понимаем, как они делают свои прогнозы, но мы также не понимаем работу магнита.

Марк Цицерон начинает свой ответ в приземленной манере. Если вы хотите узнать, какого цвета вещь, вам лучше спросить у кого-то зрячего, а не у слепого провидца Тиресия. Если вы

болеете, вызовите врача, а не предсказателя. Если вы хотите изучить космологию, вы должны пойти к физику, а если вы хотите морального совета, ищите философа, а не прорицателя. Если вы хотите узнать прогноз погоды, доверяйте опыту, а не пророку.

Если событие является подлинным делом случая, то его нельзя предсказать, для случайных случаев нет эквивалента причинного ряда, который позволяет астрономам предсказывать затмения. С другой стороны, если будущим событиям суждено случиться, тогда предвидения о грядущей катастрофе не позволят избежать этого, и боги показывают свою доброту, храня это знание подальше от нас.

Наконец, Цицерон высмеивает идею о том, что сны могут предсказать будущее. Мы спим каждую ночь и почти каждую ночь мы видим сны: разве это удивительно, что сны иногда сбываются? Сны чаще всего оказываются ложными, и поэтому здравомыслящие люди не обращают на них внимания.

В заключение Марк Цицерон настаивает на том, что он сам не атеист: не только уважение к традиции, но порядок небес и красота Вселенной заставляют его признать, что существует возвышенное вечное существо, и что людям надо смотреть вверх и восхищаться. Но истинной религии лучше всего служит искоренение суеверия.

Философское богословие античного мира завершается системой Плотина. Как отметил Бертран Рассел: «Метафизика Плотина начинается со Святой Троицы: Единого, Духа и Души. Эти трое не равны, как личности христианской Троицы; Единый – выше всех, за ним – Дух, и затем – Душа». Сравнение с христианской троицей неизбежно; и, действительно, Плотин, который умер до церковных соборов в Никее и Константинополе, дал определение отношениям между тремя божественными личностями, несомненно, повлиявшее на мысли некоторых отцов Церкви. Но для понимания его собственной мысли полезно оглянуться назад. С некоторыми оговорками можно сказать, что Единое – это Платонический Бог, Интеллект (более подходящий перевод для *ous*, чем «дух») является Аристотелевским Богом, а Душа – Стоический Бог.

Единое исходит от Единого в «Пармениде» и от Идеи блага в «Государстве». Единое, или один, для Платона и Плотина, – не первое из серии натуральных чисел: скорее, оно означает что-то совершенно простое и неделимое на части, и совершенно уникальное. Говорить, что Единое вне бытия, не значит, что его не существует: наоборот, это самая реальная вещь. Это означает, что никакие предикаты не могут быть применены к нему, иначе произойдет отход от возвышенной простоты.

Перейдя от Единого ко второму элементу троицы Плотина, к Интеллекту, можно сказать, что как и Бог Аристотеля, интеллект – чистая деятельность, и не может думать ни о чем вне себя, так как это будет связано с потенциальностью. Но его деятельность – это не просто мышление мышления, независимо от того, что это учение Аристотеля – это мышление всех Платонических идей. Они не являются внешними сущностями: Аристотель сам рассматривал это как универсальное правило, актуальность интеллекта и актуальность объекта интеллекта – одно и то же. Так что жизнь идей – это не что иное, как деятельность Интеллекта. Интеллект – это интеллигибельная Вселенная, содержащая не только универсальные, но и индивидуальные формы.

Как возникает интеллект? Несомненно, интеллект получает свое существование от Единого: тот, кто не слишком ревнив, чтобы размножаться, и не теряет все, что он отдает. Но помимо этого, текст Плотина дает два довольно различных описания. В некоторых местах он говорит, что интеллект исходит от Единого, как сладкие запахи от духов, или свет от солнца. Это напоминает христианским читателям о провозглашении Никейского символа веры, что Сын Божий – свет от света. Но в других местах Плотин говорит об интеллекте как о том, у кого хватило «смелости уйти от Единого». Это делает интеллект менее похожим на слово христианской Троицы, и больше похожим на Люцифера Милтона.

От Интеллекта исходит третий элемент – Душа. Здесь Плотин говорит о бунте или отпадении, о высокомерном стремлении к независимости, которое проявляется в виде тяги к метаболизму.

Душа – это имманентный, управляющий элемент во Вселенной природы, так же, как Бог в стоической системе, но в отличие от стоического Бога, душа бестелесна. Интеллект был создателем Вселенной, как демиург в «Тимее», но душа является агентом интеллекта в управлении его развитием. Душа связывает умопостигаемый мир с миром чувств.

Чтобы доказать, что Душа предшествует телу и не зависит от него, Плотин использует очень много таких же аргументов, что и Платон в «Федоне». Он аккуратно переворачивает аргумент тех, кто утверждает, что душа зависит от тела, потому что это не что иное, как настройка сухожилий тела. Когда музыкант перебирает струны лиры, говорит Плотин, он действует на струны, а не на мелодию: но струны не будут перебираться, если мелодия не требует этого.

Теология Плотина продолжала изучаться с модификациями, пока западной языческой философии не пришел конец с закрытием Афинской школы. Но его влияние живет, и живет непризнанным, через идеи, которые впитывались и передавались его первым христианским читателям. Самым важным из них был Августин, чтение Плотина привело к его обращению в христианство, и его «Исповедь», и «О Троице» содержат отголоски Плотина на многих страницах. В последние дни своей жизни, когда вандалы осаждали Гиппон, он утешал себя цитатой из Эннеад: «как человек может быть принят всерьез, если он придает большое значение крушению дерева и камней, или смерти – да поможет нам Бог – смертных созданий?».

Таким образом, мы завершили рассмотрение теологических вопросов в античной философии, в частности, в философии эпикурейцев, стоиков и Плотина, проанализированных Энтони Кенни в девятой главе его книги.

Мы завершили также рассмотрение книги «Античная философия» – первого тома «Новой истории западной философии» Энтони Кенни.

Книга, безусловно, очень интересная, содержит авторское видение и оригинальное изложение истории античной философии.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть идеи и цели Энтони Кенни при написании книги, о которых мы уже упоминали в первых лекциях.

Обращаясь к различным проблемам в истории философии, таким как проблема языка, или проблема свободы воли, Кенни делает вывод о том, что наиболее заметной формой философского прогресса является прогресс в философском анализе. Великие произведения прошлого не теряют своей значимости в философии, но их интеллектуальный вклад не статичен. Каждый век интерпретирует и применяет философскую классику к собственным проблемам и устремлениям.

Историк философии, интересуется ли он в первую очередь философией, или историей, не может не быть и философом, и историком. Историк философии должен обладать знаниями исторического контекста, в котором писали свои произведения философы прошлого, – считает Кенни.

Понимание природы философии отличаются у Аристотеля и Гегеля, – говорит Кенни, – но, тем не менее, понятие прогресса философского знания и Аристотель, и Гегель видели в том, что в историческом развитии философские проблемы постоянно проясняются, совершенствуются и появляются все новые возможности для более точных ответов на вопросы.

Кенни считает, что его основная цель при написании книги состоит в том, чтобы показать, как великие философы прошлого актуальны и сегодня, и что можно получить философское озарение путем внимательного прочтения великих произведений, которые нам посчастливилось унаследовать.

Мы знаем много различных историй философии разных авторов и коллективов авторов, но особенность данной книги, на мой взгляд, заключается в следующих моментах.

Во-первых, оригинальна сама структура книг Энтони Кенни. В каждом томе «Новой истории западной философии» содержится как хронологический обзор историко-философских событий рассматриваемого периода, так и тематические разделы, такие как эпистемология, физика, метафизика, этика. Кенни говорит о том, что подобная структура его книг позволяет удовлетворить потребности двух типов наиболее заинтересованных читателей. Первый тип читателей – это люди, интересующиеся историей философии, проливающей свет на прошлое, а второй – это те, кто интересуется собственно философией для поиска ответов на актуальные вопросы современности.

Во-вторых, сложные и разнообразные по содержанию, форме и стилистике части античной философии, представленные как отдельными мыслителями, так и философскими школами, изложены Энтони Кенни не только в строгой, лаконичной форме с соблюдением четкой и ясной логической структуры, но и в очень изящной манере и с тонким юмором, присущими автору.

В-третьих, книга свободна от идеологической загруженности, которой грешат многие, даже наилучшие из известных нам изложений истории философии.

В-четвертых, Кенни работает исключительно с первоисточниками и интерпретирует их, опираясь на объективное видение исторического развития и прогресса философского знания.

В-пятых, каждая фраза книги настолько выверена, что чувствуется блестящий академический стиль величайшего философа Оксфорда.

Другие достоинства книги Энтони Кенни вы можете оценить, прочитав «Новую историю западной философии».

В завершение, мне хотелось бы еще раз вспомнить слова Кенни, что философия – это не вопрос знания, а вопрос понимания, вопрос организации того, что уже известно. Но поскольку философия всеобъемлюща, то только гениальный ум может организовать все существующее знание. А всем тем, кто не является гением, остается только уповать на то, чтобы достичь понимания великих философов прошлого.

Вопросы для закрепления темы

1. Какова природа богов, по концепции Эпикура?
2. Что объединяет эпикурейское и стоическое богословия?
3. В чем различие теологических представлений эпикурейцев и стоиков?
4. Какие аргументы в пользу существования Бога приводит стоик Зенон?
5. Как оправдывает существование зла стоик Хрисипп?
6. Какие доводы приводит Марк Цицерон против гадания?
7. Чем святая Троица Плотина отличается от христианской святой Троицы?
8. Какое влияние оказала теология Плотина на последующее развитие западных теологических учений?

Литература

1. Anthony Kenny. Ancient Philosophy: A New History of Western Philosophy, Volume 1.– Oxford University Press. – 2014. – 368 p.
2. Кенни Э. Батыс философиясының жаңа тарихы, 1 том, Антика философиясы. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. – 408 б.
3. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Пер. и прим. М. Л. Гаспарова. Общ. ред. и вступ. ст. А. Лосева. (Серия «Философское наследие»). – М., Мысль, 1979. – 624 с.
4. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981.
5. Платон. Диалоги. – М.: Академическая книга, 2017.
6. Adler, M. Aristotle for everybody. Difficult Thought Made Easy. Published June 1st 1997 by Touchstone (first published 1978).
7. Плотин. Эннеады. – Киев, 1995–1996.